

УДК 821.161.1.3(Каразин Н. Н.)

ББК ШЗЗ(2Рос=Рус)-8,43

ГСНТИ 17.07.21; 16.21.33

Код ВАК 10.01.01

А. Д. Казимирчук
Москва, РоссияA. D. Kazimirschuk
Moscow, Russia**ДИХОТОМИЯ «ВОСТОК — ЗАПАД»
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Н. Н. КАРАЗИНА****EAST — WEST DICHOTOMY
IN THE PROSE OF N. N. KARAZIN**

Аннотация. Основное содержание исследования составляет анализ и пересмотр оппозиции «Восток — Запад» на примере ориенталистской прозы Н. Н. Каразина, которая обладает большим потенциалом для изучения общественной и политической жизни конца XIX в. — времени колониальной экспансии Российской империи.

Abstract. The main purpose of this research is the analysis and review of the East-West opposition on the example of the N. N. Karazin's Orientalist prose which personifies high potential for studying social and political life of the late XIX century during the colonial expansion of the Russian Empire.

Ключевые слова: Н. Н. Каразин; ориентализм; «Восток — Запад»; колониальная Россия; Туркестан; завоевание Средней Азии; русская колониальная литература.

Key words: N. N. Karazin; Orientalism; east-west; colonial Russia; Turkestan; the conquest of Central Asia; the Russian colonial literature.

Сведения об авторе: Казимирчук Александра Дмитриевна, аспирант кафедры русской новейшей литературы и читательских практик.

About the author: Kazimirschuk Aleksandra Dmitrievna, Post-graduate Student of the Chair of Modern Russian Literature and Reading Practices.

Место работы: Московский городской педагогический университет.

Place of employment: The Moscow City Pedagogical University.

Контактная информация: 129226, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный пр-д, 4.
e-mail: sasha_kazik@mail.ru.

Ориенталистская литература содержит огромный потенциал для изучения исторической, политической и общественной жизни конца XIX в. и дает представление о том, в каких декорациях происходило завоевание и освоение тех или иных территорий. Тема Востока всегда очень интересовала русских писателей, художников и путешественников, каждый из которых старался запечатлеть свои приключения на бумаге. К Востоку как к объекту освоения, месту изгнания, творческому мифологизированному образу всегда было двойственное отношение — его либо ненавидели, презирали и боялись, либо безмерно любили, очаровывались им и находили в нем несметный источник вдохновения. Николай Николаевич Каразин был одним из тех, кого служба, долг и честь вынудили отправиться на войну в Туркестан в 1867 г. Он навсегда пленился образами Востока. Позднее, получив множество ранений и выйдя в отставку, он использовал свой опыт для создания серии удивительных повестей и романов о туркестанском и амударьинском походах, переселенцах и обо всем том, что происходило в этих краях во время завоевания: «Интересная и своеобразная жизнь в далеких краях доставила Каразину богатый материал для будущих его работ» [Нива1908: 923].

«Певца русского Туркестана» в республиках Средней Азии, так же, как и ранее в Советском Союзе, считают писателем и художником идеологически не очень по-

лезным и избегают всяческих о нем воспоминаний. Однако сегодня, когда тема имперского опыта России со всей его неоднозначностью вызывает широкий интерес и востоковеды стараются находить все больше и больше информаторов, сложно умалчивать о том, чьи картины выставлены в Третьяковской галерее, а гравюры украшают издания Пушкина, Гоголя, Достоевского, Толстого, Тургенева, Некрасова и многих других классиков литературы. На волне интереса к данной теме, пересмотра оппозиции «Восток — Запад», весьма важным является возрождение творческого достояния тех людей, которые были свидетелями территориальной экспансии Российской империи, принимали участие в завоеваниях и, несомненно, могли многое рассказать: «На местах главная польза приносится офицерами и чиновниками, а не выпускниками восточного факультета» [Бартольд 1963—1967: 1], — говорил российский востоковед Василий Владимирович Бартольд о главенствующей роли в работах по сбору информации о крае не академических экспертов, а военных, путешественников, миссионеров и купцов. Одним из таких людей был Николай Николаевич Каразин — военный, художник, писатель, этнограф и путешественник, который провел более 10 лет в Туркестане и чье писательское наследие составляет порядка 20 томов увлекательной, разнообразной и глубокой прозы о русских на Востоке. Возможно, Каразин по степени одаренно-

© Казимирчук А. Д., 2013

сти, многообразия этой одаренности не уступает Немировичу-Данченко, Мельникову-Печерскому, Мамину-Сибиряку, Григоровичу, Омулевскому, Короленко и остальным авторам, писавшим о жизни в провинциях и колониях: «В довоенные времена, когда советская критика называла иногда вещи своими именами, Каразин считался самым талантливым писателем колониального жанра» [Дудаков 2000: 383].

Каразина знали как писателя, любили как автора приключенческих повестей и романов, художника-иллюстратора, журналиста, которого публиковали «Нива», «Дело», «Всемирная иллюстрация», «Беседа», «Illustrated London News» и другие периодические издания: «У Н. Н. Каразина, — писали в „Ниве“ после его смерти, — был очень большой талант, и притом талант истинно русский: порывистый, страстный, увлекающийся» [Нива 1908: 923—924]. Однако его же с удовольствием критиковали, причем весьма едко: «„Недавняя быль“ г. Каразина вся соткана из стрельбы-пальбы, да из дыма-облака. О заглавии мы, разумеется, спорить не будем. Автору захотелось назвать 70 страниц печатной бумаги „былью“, ну, и пусть себе называет на здоровье былью» [Дело 1879: 274]; «...внутренний мир героини ... фигурирует для г. Каразина только в качестве полотна, по которому бойкая кисть батального живописателя рисует серой краской дым, красной — кровь, золотисто-желтой — пушки и зеленой — их лафеты» [Там же: 278].

Художественная мощь каразинских текстов, важнейший корпус проблем и вопросов, которые он затрагивает, их глубина и многоплановость ушли на второй план в списке его побед и талантов и стали жертвами предрассудков относительно «колониальных» авторов в Российской империи. Причиной тому послужила, как говорит Мережковский в сборнике «Вечные спутники», «культурная неотзывчивость», которая является «первородным грехом русской критики» [Мережковский 2012: 329]. Подобное отношение к писателям-военным во многом было результатом недовольства политикой Александра II, реформенной критикой и общим скепсисом относительно пути развития страны. Поражение России в Крымской войне спровоцировало антизападные настроения и «в попытках определить Россию как независимую или противостоящую Западной Европе страну» [Тольц 2013: 16] возродили и упрочили смещение интереса, и политического и духовного, к Востоку, где не действуют законы дряхлеющей Европы. Об этом ранее написал Лермонтов, предсказавший

это смещение, в стихотворении «Умиравший гладиатор»: «Не так ли ты, о европейский мир, / Когда-то пламенных мечтателей кумир, / К могиле клонишься бесславной головою» [Лермонтов 1988: 151]. Об этом же пишет Каразин в мистическом романе «Наль», где с главным героем происходит удивительное духовное перерождение: *Это тоже свое — для них... Да и для нас тоже с тобою, поверь, не совсем чужое!; — Да у тебя, вишь, все азиаты... по твоему, и Россини, и Шекспир... И сам черт лысый — все одного рода; Наль улыбнулся и спокойно отвечал: — Все человечество отсюда* [Каразин 1905, т. 5: 38].

Интерес к ходу войны сочетался с критическими, а порой и циничными выпадами в адрес всех сражающихся на землях Туркестана. По воспоминаниям друга и соратника Каразина Вас. Ив. Немировича-Данченко, с которым они вместе оказались в 1878—1879 гг. в эпицентре Сербско-турецкой и Русско-турецких войн, участников туркестанских походов оскорбительно называли «победителями халатников» [Немирович-Данченко 1903: 14], выражая тем самым пренебрежительное отношение к службе российских воинов. Тем не менее гордое имя «туркестанец» являлось кодовым, ключевым словом для «своих», для тех, кто знал, что происходило на самом деле, понимал цену победы и все подводные камни вторжения: «Никогда еще туркестанец-солдат не бросал своего товарища в неизвестной опасности!» [Каразин 1905, т. 5: 57]. М. Д. Скобелев именовал «туркестанцами» доблестных, храбрых солдат и, как пишет Немирович-Данченко в своих воспоминаниях, приводя личные впечатления о Скобелеве, «старые боевые товарищи только переглянулись молча, но видно было по лицам, что при одних названиях этих мест целый рой воспоминаний возник у обоих» [Немирович-Данченко 1886: 147]. А в октябре 1877 г. под Плевной, побывав на левом фланге нашей Дунайской армии, Скобелев с нежностью, трепетом и некоторой горечью замечает: «Ах, если бы здесь были туркестанские войска!» [Немирович-Данченко 1886: 147], будучи при этом прекрасно осведомленным о репутации тех, кто воевал в Средней Азии: «Помните, как при начале кампании думали у нас о туркестанцах. Про меня говорили, что мне и батальона поручить нельзя. На офицеров наших свысока смотрели, а они первыми легли здесь... А все-таки хорошее время было» [Там же: 147—148].

Служба в армии во многом формировала представление военных о Востоке, доминирующее, в духе «бремени белых», пред-

ставление о «просветительской и освободительной» миссии в Средней Азии, но в случае с Каразиным определение «колониальный писатель» обладает гораздо более широкими коннотациями. Согласно Эдварду Саиду, колониальные писатели делятся на тех, кто беспрекословно вторит основной идеологической ветви мышления, навязанной правительством, и является частью «общих попыток Европы управления отдельными землями и народами» [Саид 2012: 6], и на тех, для кого эта тема является предметом тщательного размышления и попыткой «открыть не-европейский мир для анализа и суждения» [Там же: 18]. Последний вариант предполагает все подводные камни душевных переживаний: пленение Востоком и «восточным», отчаяние, депрессию, ненависть к насилию вместе с пониманием неизбежности вторжения и собственного бессилия что-либо изменить. Подобное жизнеощущение русский философ и ученый Александр Эткинд называет «эффектом бумеранга» или «внутренней колонизацией» [Эткинд 2013: 19], при которой отправленный покорять Восток становится его заложником, чувствует отчужденность по отношению к прежней жизни и невозможность к ней вернуться, желание понять нравы и душу покоряемого сообщества, с которым ощущает необъяснимое родство и даже желание стать его частью. В результате этой душевной, духовной антиномии человек становится «колонизируемым колонизатором». Во многих своих произведениях Каразин проникновенно описывает страшную, неизведанную трансформацию, происходящую с человеком, чья жизнь и сущность характера являются лишь выражением его веры в надежность окружающей обстановки. При соприкосновении с подлинной, ничем не смягченной природой такой субъект лишается основы собственного бытия, в его сердце вселяется внезапная и глубокая тревога или же его засасывает в пучину безволия: *Глушь, скука, лишение всего, что хотя сколько-нибудь может называться умственной пищей, — это притупляющее, давящее однообразие местной жизни могло бы совершенно убить его натуру, затянуть хмельною тиной все в нем живое, но этого не случилось. А случилось это со многими, почти со всеми, кого только судьба забросила в эту забытую дику глушь* [Каразин 1905, т. 13: 15]. Позднее об этом напишет английский колониальный писатель Джозеф Конрад в рассказе «Аванпост прогресса»: «К чувству одиночества, отчетливому представлению об оторванности своих мыслей и своих ощущений,

к отрицанию всего привычного и надежного присоединяется утверждение необычного и грозящего опасностью, представление о вещах неясных, отталкивающих и не поддающихся контролю; это волнующее вторжение терзает цивилизованные нервы и глупых и мудрых» [Конрад 1983: 245].

Главный герой повести Каразина «В камышах» Петр Касаткин, описывая это давящее, притупляющее состояние, говорит: *Игра и пьянство, пьянство и игра — вот два главных элемента местной жизни. Трезвые минуты считались положением ненормальным, и если бы в человеке не нашлось какой-нибудь противодействующей силы, если бы эта сила оказалась несостоятельною в борьбе со своим страшным врагом, тоскливою скукою, то ему приходилось бы только одно — окунуться с головою в этот ужасный, всепоглощающий омут* [Каразин 1905, т. 13: 15]. Герои Конрада так же топили страх и одиночество в омуте алкогольного опьянения, который помогает спастись от той самой всепоглощающей тьмы, размытого «нечто», при нахождении в котором в человеке проявляется сущность его собственной природы. Эта всепроникающая субстанция напоминает мыслящий океан из «Соляриса», который засасывает Куртца, Марлоу и всех, кто сталкивается с нетронутой цивилизацией в рассказе «Сердце тьмы». Каразин, вопреки Конраду, говорит о странной связи между западными людьми и восточными, об их едином источнике происхождения, о переплетении у самой корневой основы: *„Благодатный“ протянул руку, нагнулся и стал медленно откапывать пальцами молодой росток, пробившийся меж камнями. Вот это — я! — указал он на корень; Это — ты! — указал он на стебелек с первыми зачатками листьев. — Разрежь здесь — оба погибнут, вместе — они целы и живы* [Каразин 1905, т. 5: 64].

Для объяснения сути дихотомии «Восток — Запад» Каразин прибегает к образу «дороги», или «пути», в условиях которых происходит постепенная глубочайшая смена жизненных парадигм, и в простых, маленьких людях вдруг проявляется их подлинная натура, все лучшие и отвратительные склонности их души. В романе Каразина с «Севера на юг» во время длительного путешествия на «землю обетованную» жена Степана-малыша, много лет ему изменявшая, уходит с заезжим купцом, а дядя Василий вдруг становится склонен к подлости, воровству, предательству семьи, друзей и даже веры и т. д. По Каразину, человек, остающийся один на один с чужеродной средой и своим

внутренним миром, имеет два варианта: либо слиться с окружающим, либо воспротивиться ему и, скорее всего, погибнуть. Автор заметил, что истоки дихотомии лежат в самой сути путешествия, будь то поход на войну или переселение — возвращение из него оказывается невозможным по одной простой причине: возвращается всегда не тот, кто ушел; ср.: *Шибко по привычке мужики к дорожной жизни, так по привычке, что о своих деревенских избах, почитай-что, и вовсе забыли. Обжились на возах, втянулись в дорогу, всю бы жизнь так и шли бы* [Каразин 1905, т. 7: 102]. Образ переселенца у Каразина во многом воплощает саму основу оппозиции «Восток — Запад»: вынужденные беглецы, сосланные на чужеродную землю элементы, приспособляются, ненавидят восточную, бесплодную землю и одновременно обожают, будто ныне не они владеют ей, а она ими: *Так вот они, эти Кара-Кумы проклятые... Пропадать приходится, — а впрочем, ничего слава тебе, Господи, идти можно... Ну, и шли, назад не ворочались* [Там же: 81]; *Мертво и безлюдно в этом степном городе; словно проклятие тяготеет над ним... Ведь живут же, подумаешь, люди, словно для них земля сошлась клином, словно их на цепи держат в этом проклятом месте* [Там же: 36].

Явление «переселения», как пишет Каразин, возникло к концу пятидесятых годов... с упрочнением нашей власти в глубине Азии, т. е. к началу семидесятых годов, когда независимость Бухары, Кокана и Хивы спела свою лебединую песню [Каразин 1886: 6]. Это явление помогло внимательно рассмотреть то, что происходит при соприкосновении двух сообществ на тесных узлах единой территории, образующем живое национальное коммуникационное пространство, в котором сходятся Запад и Восток. Тогда уже стало популярным мнение о том, что в основе силы государства лежит принцип уважения к племенным особенностям инородцев — «этнического плюрализма как особой силы России» [Тольц 2013: 48], у которого появилось все больше и больше сторонников.

Описывая переселенцев, Николай Каразин, как и следует художнику, вырисовывает все оттенки душевной пустыни, в которой оказывается человек, лишенный привычного окружения, у которого не остается ничего, кроме себя самого. Такой человек, подобно Маугли, рано или поздно обязан встретиться лицом к лицу со своими страхами, с тем самым «омутом», в эпицентре которого он очутился. В повести «В камышах» герой проходит важнейшие этапы инициации на этом

пути — встречу с женщиной и поединок со зверем, — чтобы стать тем, кем он единственно может стать — «чужим среди своих, своим среди чужих». Однако, как мы знаем, Маугли остается человеком в джунглях, никто из животных не может выдержать его взгляда, он не уподобляется им, а герои Каразина — учатся и наблюдают. Маугли возвращается к цивилизации, а для героев Каразина окончательное возвращение оказывается невозможным: за время путешествия они становятся другими людьми и, пережив глубокие внутренние трансформации, навсегда остаются во власти Востока. В романах Каразина нет просветительского пафоса, который есть у Киплинга, у которого очевидно, что Маугли несет не просто огонь, а прометеевский огонь, и возвращение есть ни на миг не подвергаемое сомнению ощущение правоты цивилизатора.

В произведениях «Тьма непроглядная», «Погоня за наживой», «Тигрица», «В камышах» и во многих других, в которых происходит вынужденный контакт, близкое сближение Запада с Востоком, двух экосистем, двух чуждых миров в надежде соединиться в некую третью стихию, квинтэссенцию лучшего из них, происходит странное: либо ад, разрушение до основания жизней всех вовлеченных персонажей, либо открытый финал, из которого ясно только одно — надежда на рай существует, но пока только надежда. Мы видим, как указанные две стихии нуждаются друг в друге, тянутся одна к другой, но при вмешательстве нечистых помыслов, некой темной стороны одна стихия неизменно поглощает другую и отравляется сама. Возможно, подобное обуславливало исключительно имперский опыт России, потому что «Российскую империю выделяло пограничное положение между Западом и Востоком; сложная сословная структура, включавшая и западные, и восточные элементы» [Эткинд 2013: 47]. Многие английские и французские ученые и политики считали, что захватнические войны России в Средней Азии — это завоевание одних людей Востока другими. Однако при внимательном изучении зарубежных колониальных писателей напрашивается вывод о том, что столкновение модерна и архаики, невозможность (или все-таки возможность) сосуществования архаических и христианских культур и антагонизм Востока и Запада — это одна из главных дилемм всего мира.

Сам Каразин, кажется, верит в возможность сосуществования, в возможность создать некий третий мир, мир согласия и взаимного уважения. Вследствие этого Каразин, уехавший колонизировать, начал учиться,

мгновенно освоил татарский язык и другие наречия, проявлял интерес к исламу и суфизму. В его произведениях нашли отражение почти все важнейшие события из жизни края, которым он стал свидетелем. На страницах журналов «Нива» и «Дело» опубликованы рассказы и повести с зарисовками к ним, сотни иллюстраций с сообщениями о происходящем, репортажи, военные очерки, запечатлевшие основные сцены активных военных действий за десять лет. В своих произведениях Каразин поднял национальные вопросы, вопросы коррупции и переселенцев, чему посвящен целый роман. Каразин был одним из первых, кто зарисовал и описал землетрясение 28 мая 1887 г.

Под властью магнетизма неспорченной цивилизации, возможности стать другим в этой цивилизации, заново найти свое место в мире или вернуть то, что было утрачено, писатель даже после выхода в отставку не единожды возвращаться в Среднюю Азию. Образы и картины этой страны, сюжеты, лица, обряды и культура не покидали его до самой смерти, возникали на холсте, во многочисленных статьях, рассказах и романах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бартольд В. В. Сочинения : в 9 т. / ред.кол.: Б. Г. Гафуров (пред.) и др. — М. : Изд. вост. лит. : Наука, 1963—1977.
2. Дудаков С. Ю. Парадоксы и причуды филосемитизма и антисемитизма в России. — М. : Российский государственный гуманитарный университет, 2000.
3. Дело. 1879. № 1.
4. Нива. 1908. № 52.
5. Немирович-Данченко В. И. Скобелев. Личные воспоминания и впечатления В. И. Немировича-Данченко. — СПб. : Изд. П. П. Сойкина, 1903.
6. Тольц В. Собственный Восток России: политика идентичности и востоковедение в позднимперский и раннесоветский период / пер. с англ. — М. : Новое литературное обозрение, 2013.
7. Саид Э. В. Культура и империализм. — СПб. : Владимир Даль, 2012.
8. Эткнд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России / авториз. пер. с англ. В. Макарова. — М. : НЛЮ, 2013.
9. Каразин Н. Н. В камышах // Н. Н. Каразин. Полн. собр. соч. : в 20 т. — СПб., 1905. Т. 13.
10. Каразин Н. Н. Наль // Н. Н. Каразин. Полн. собр. соч. : в 20 т. — СПб., 1905. Т. 5.
11. Каразин Н. Н. От Оренбурга до Ташкента : путевой очерк. — СПб. : Изд-во Герман Гоппе, 1886.
12. Каразин Н. Н. С севера на юг // Н. Н. Каразин. Полн. собр. соч. : в 20 т. — СПб., 1905. Т. 7.
13. Киплинг Р. Восток есть Восток. — М. : Худ. лит., 1991.
14. Конрад Д. Тайфун : повести и рассказы / сост. и предисл. Д. Урнова. — М. : Моск. рабочий, 1983.
15. Конрад Д. Сердце тьмы и др. повести. — СПб. : Азбука, 1999.
16. Лермонтов М. Ю. Собр. соч. В 2 т. Т. 1. — М. : Правда, 1988.
17. Мережковский Д. С. Вечные спутники: портреты из всемирной литературы. — СПб. : Азбука : Классика, 2012.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Э. Ф. Шафранская